

С. В. Любичанковский**«Такие времена не выбрал бы для себя никто из нас»: «лихие девяностые» глазами очевидцев**

В статье показано значение эпистолярного наследия и дневника почетного гражданина города Оренбурга, ученого и общественного деятеля Л. Н. Большакова как уникального исторического источника об эпохе «лихих девяностых» — периоде первых лет существования независимой России после краха Советского Союза. Сделан вывод о том, что данный источник позволяет внести существенную лепту в документирование начальных страниц новейшей российской истории и реконструировать эмоциональное восприятие событий 1990-х гг. российской интеллигенцией в провинции.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, дневник, Леонид Наумович Большаков, повседневная жизнь, интеллигенция, исторический источник, «лихие девяностые», Российская Федерация.

Двадцать томов дневников, оставшихся после ухода из жизни ученого и писателя Леонида Наумовича Большакова (1924—2004), представляют собой интереснейший документ, уже позволивший рассказать о многом, в том числе и на страницах журнала «Вестник Оренбургского государственного педагогического университета» [1—3; 6]. В одной из публикаций мы цитировали записи, по-писательски ярко рисующие атмосферу последних советских лет, августовские события 1991 г., последовавшие за этим запрет КПСС и крах СССР [7]. Однако дневник «подсказал» еще одну тему — дал возможность проанализировать отношение к событиям девяностых не только автора, но и многих людей, с которыми Л. Н. Большаков состоял в переписке (ее объем был поистине огромным). «Письма — составная часть моего бытия», — записал Л. Н. Большаков в своем дневнике. И в ежедневных (!) записях он непременно фиксировал не просто факт получения письма, но и, как правило, комментировал полученную информацию, а нередко даже выписывал цитаты из полученной корреспонденции. Получался своеобразный диалог: автор дневника соглашался или спорил с собеседником. Таким образом, мы имеем дело с уникальным комплексом источников, с репрезентативной базой данных, позволяющей оценивать эмоциональные ощущения людей от собственной повседневности. Это чрезвычайно важно для проведения конкретно-исторических исследований по истории повседневности [5, с. 70; 8, с. 11—13].

Среди корреспондентов Л. Н. Большакова были самые разные люди: известные писатели и ученые, сотрудники издательств, друзья юности и др. Все они, как и автор дневника, жили интересами страны, размышляли о происходящем, переживали, оценивали. Зафиксированные на дневниковых страницах цитаты из писем воссоздают масштабную историческую панораму и дают возможность ощутить эпоху перемен, которая в широком народном сознании получила неофициальное название «лихие девяностые». В настоящее время, по прошествии более десятка лет, память о той эпохе стирается, возникают научные и псевдонаучные споры об оценке событий и процессов 1990-х гг. в истории становления новой России, ее общественного, экономического и политического уклада (в качестве примера научного анализа данной проблематики см.: [4; 10—15]). Вдовой первого президента России Наиной Ельциной был даже предложен концепт «святых девяностых», который очевидным образом противостоит оценочной характеристике «лихие девяностые». Иными словами, тема актуальна в современном общественном сознании, а значит, требует и пристального научного внимания.

© Любичанковский С. В., 2018

Нам показалось важным проанализировать в настоящей статье выдержки из полученных Л. Н. Большаковым в 1990-е гг. писем, так как, на наш взгляд, они содержат выразительные черты «эпохи перемен» и могут служить объективными свидетельствами эмоционального восприятия той эпохи современниками.

Вот, например, строки из писем Арутюнянов (знакомство с которыми произошло в середине восьмидесятых в Баку) позволяют узнать историю этой семьи в 1990-х гг.

«Получил письмо от Арутюнянов. В Баку худо и надежд на перемены не видно. Антиармянский морально-физический террор, люди бегут, созрели для того, чтобы уехать, и они. Но многое останавливает. Тут работа, тут очаг... Страшное дело!» [9, 2 декабря 1988 г.]; «...горькое письмо от Вали Арутюнян. Собираются — мечтают — бежать из неласковой к ним Армении, где оказались без крыши над головой. Думают о Херсоне, о Николаеве. А разве там им будет лучше?» [9, 7 июля 1992 г.]; «Валя Арутюнян сообщает о семье, расколовшейся на две половины (Сереза с Вальком в Москве, где тот учится, она с Люсей скучают в Арташате; в Армении тяжко)» [9, 9 ноября 1993 г.]; «...позвонили среди дня из Москвы наши бакинские, а потом арташатские друзья Арутюняны. Говорил, собственно, с Валей. Милый, душевный человек! Сейчас она приехала с Люсей повидаться с Серезей и Вальком. Порассказала о страшной жизни в Армении. Среднемесячной зарплаты работающих за местные деньги хватает на пачку стирального порошка и одну поездку в Ереван (в один конец), где у Вали мама. Холодно и голодно. Армейцы получают “русскими” и считаются чуть ли не миллионерами. Тоскует по Баку — истинной своей родине, по морю (конечно же, Каспию). Разделение семьи вызвано заботой о сыне. В Ереване ему не учиться: все переведено на армянский» [9, 3 января 1994 г.].

Письма Н. Б. Николаева¹ рассказали грустную, даже трагическую историю знаменитого завода, который в 2007 г. прекратил свое более чем вековое существование: «“Украинцы глубоко опечалены тем, что у них происходит”. В Будах развал жизни, обнищание моих друзей, развод караулов по идейным признакам. “Время убивает ослабевших”» [9, 30 декабря 1990 г.]; «Я благодарен Н. Б. за информацию о каждом из моих друзей-художников. Его слова о приватизации: “Мне кажется, это невиданное надувательство простонародья”» [9, 30 декабря 1994 г.]; «Николай Борисович пишет о жизни на Украине, в Будах, на заводе. Все худо. Его пенсия = двум с небольшим килограммам масла или 5 кг говядины» [9, 4 мая 1995 г.]; «...в Будах мои искренние друзья. Им тяжело. Н. Б. получает (с “хлебной добавкой”) 2 млн. 300 тыс., треть которых надо платить за квартиру... “Питаюсь в основном постным борщом или супом без мяса, кашами, сваренными на воде. И это еще при помощи сына...”. “Конечно, подавляющее большинство людей на Украине понимают теперь, куда двигается дело...”. А завод... “дышит на ладан”. Больно!» [9, 8 июля 1995 г.]; «Горчайшее письмо от Николаева. Полнейший развал, нищенское существование. В первом не помочь. Но как “подать” тому же Н. Б. хоть 50 т.? Дружески...» [9, 3 мая 1996 г.]; «Горькое и горестное письмо от Николаева. До слез горестное... Большое, подробное, и о каждом из моих знакомых. “Вокруг беспросветная адская тьма прозябания...”. 17 января “накинул петлю на шею” Иван Порфирьевич Сень — талантливый мастер моего яркого надкроватного рога², “Не выдержал такого поворота в жизни”. На пенсию “ушли” Бориса Пяниду. Из “стариков” работает лишь Кломбицкая, моя первая будянская знакомая. “Говорит, что умрет без любимой работы...”. Завод на грани банкротства, к нему принимают “немецкие дельцы с большими деньгами”. Вторая

¹ Николаев Николай Борисович (р. 1925) — художник декоративно-прикладного искусства (керамика), член Союза художников Украины, трудился на Будянском фаянсовом заводе (Харьковская обл., Украина), о людях и продукции которого Большаков рассказал в книге «Рисунок на фаянсе». Книга была переведена на украинский язык.

² Художник подарил свое изделие на 60-летие Л. Н. Большакова.

окупация — после той, во вторую мировую... “Сдается мне, будет жесточайшая борьба, много крови прольется — и славянской, и не славянской, и новопанской, и бедняцкой”... Да, такое читать страшно!» [9, 5 мая 1997 г.]; «Вчера пришло письмо от Николаева. Пожар уничтожил худ. лабораторию Буд с хранившимися там работами. Заживо сгорели трое будян (вместе со складом готовой продукции). Какое горе...» [9, 7 мая 1999 г.]; «Николаев подробно рассказал о будянских художниках. Жизнь моих друзей становится все более тяжелой, завод чахнет (хотя и появился там новый “новый директор, довольно молодой предприниматель из Харькова...”). Редкие (но все же регулярные) письма Николаева всегда аналитичны. На нашей с ним Украине худо... В тяжелом положении село, ничего радостного на заводе... “на днях рабочие впервые за несколько лет (!!!) получили заработанные деньгами, а не бартером...” Как все это горько! За будян переживаю как за близких мне людей...» [9, 12 мая 2001 г.].

На каждой дневниковой странице авторские раздумья в связи с полученной корреспонденцией.

«Письма от Овчинникова¹, Зленко², Пяниды³. Долго не писавшие каются и подробнее рассказывают о жизни-заботах-тревогах. Худо всюду: в науке, книжном деле, фаянсе. Творчество угасает без всякого внимания; внимание только “русскому зарубежью”. И будет оно расти-расширяться, оставляя страну в дураках» [9, 13 ноября 1990 г.].

«“Времена не выбирают, в них живут и умирают”. Строки Твардовского⁴ напомнила мне в письме Е. К. Дейч⁵. Да, такие времена не выбрал бы для себя никто из нас. Пошел на базар и насмотрелся на толпы людей в мясных павильонах; вернулся ни с чем...» [9, 18 декабря 1990 г.].

Явная горечь сквозит в записи от 20 декабря 1990 г.: «Обратный адрес на конверте письма от Ротача “Украина, Полтава...”. В общем — чувство заграницы. Оно, увы, нарастает. Заграница — это и Грузия (моя Богдановка⁶ в том числе), и Молдова (Мандрики), и Армения (мой Терьян), и Украина (Шевченко, издательства, интересы). Печально...» [9, 20 декабря 1990 г.].

«Почта довольно большая... “У нас митинги и пр., хорошего мало” (из Кишинева); “20 апреля, в день рождения погромщика и мракобеса, они (фашистские отбросы) разбили витрины нескольких магазинов. Чернорубашечники со свастикой расхаживали и выкрикивали погромные лозунги. Напряжение в городе и сейчас остается” (Днепропетровск)». «Демонстрируем свою слабость, а игра в поддавки рождает гитлеров», — комментирует автор дневника 26 апреля 1989 г.

В Кишиневе жила Люся Мандрик⁷, в Днепропетровске — Ева Каменецкая⁸ — друзья еще по Орску. (В этом городе Л. Н. Большаков жил более двадцати лет. — С. Л.) Вот другие строки из писем этих корреспондентов:

¹ Овчинников Реджинальд Васильевич (1926—2008) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, один из авторов-составителей Оренбургской Пушкинской энциклопедии.

² Зленко Григорий Демьянович (1934—2015) — заведующий редакционным отделом библиотеки им. М. Горького (Одесса), член Национального Союза писателей Украины; литературовед, пушкинист.

³ Пянида Борис Петрович (1935) — художник декоративно-прикладного искусства Будянского фаянсового завода на Харьковщине.

⁴ Так в тексте. Настоящий автор цитируемых строк — А. Кушнер.

⁵ Дейч Евгения Кузьминична (1919—2014) — профессор-литературовед, исследователь творчества Б. Зайцева.

⁶ Л. Н. Большаков был почетным гражданином этого города.

⁷ Мандрик Людмила Николаевна (1927) — врач из Кишинева, когда-то сокурсница И. М. Большаковой.

⁸ Каменецкая Евгения Семеновна (192?—2001) — друг юности, преподаватель литературы Днепропетровского машиностроительного техникума, член городского клуба книголюбов «Литературная гостиная», сотрудничала в газетах Днепропетровска.

Л. Мандрик: «У нас беспокойно, на душе муторно, все, чем жили, зачеркнуто» [9, 6 января 1990 г.]; «Мы живем от воскресенья до воскресенья. Каждое воскресенье — митинги, шествия, травля, драки и прочие радости. Вся страна в пожаре» [9, 26 февраля 1990 г.].

Е. Каменецкая: «Рука не поднимается писать. Такая тоска, такое потрясение от всего, что творится вокруг, такая неизвестность и тревога, что просто страшно делается. Могли ли мы думать, что так все рухнет, что голову поднимет черная сотня, у которой есть очень сильная поддержка... Жаль детей, особенно внучат...». И вновь комментарий автора дневника: «Ничего иного не могу сказать и я...» [9, 20 марта 1990 г.]; «Кому же расчистило путь наше поколение — вот горький вопрос...» [9, 6 мая 1990 г.]; «Наша Оля (внучка Е. С. — С. Л.), увидев по телевизору, как кувалдой бьют по Ленину, расплакалась и сказала: «Бабушка, заведи его, пусть Ленин живет у нас». Это из письма Евы, первого в октябре. «Думали ли мы о таком времени?». Не думали, не гадали, что нечто подобное возможно. Крах всех идеалов, всего, что было дорого. Было и — остается? Увы, в сильно потрепанном, покоруженном виде...» [9, 1 октября 1990 г.]; «“Сам Бог не знает, что нас ждет. // И все же — здравствуй, Новый год! // Ты накорми нас, обогрей // И наших пожалей детей, // Чтоб выжил человеческий род // И снова встретил Новый год” (текст на новогодней открытке конца 1989 г.); “Вот уж времена настали! Как говорил Надсон, “Все осмеяно, оплакано, забыто, погребено и не воскреснет вновь”. Мне кажется, что это еще не все, не вся чаша выпита нами до дна. Поэтому смотрю на будущее с боязнью. Куда-то нас несет без руля и без ветрил?”. Я думаю совершенно так же, разве что покруче» [9, 16 сентября 1991 г.].

В странички дневников 1992—1993 гг. вклеены новые «зарубежные» почтовые марки: украинские, казахские, белорусские, армянские, молдавские: многие корреспонденты Л. Н. Большакова после распада Советского Союза в одночасье оказались «иностранцами» (А. Белый жил в Казахстане, В. Дубовицкий — в Таджикистане, П. Ротач, Г. Зленко, Н. Николаев — на Украине, С. Букчин — в Белоруссии). «Меня больше всего удручает разрыв связей, нагнетание махрового негативизма», — записал Л. Н. Большаков 24 августа 1993 г.

Вот еще несколько записей в связи с получением писем из уже заграничных Днепропетровска и Кишинева. Из Днепропетровска: «Какую экономику могут поднять голодные обманутые люди? Каждый спасается, как может. А жизнь идет, годы уходят» [9, 17 ноября 1994 г.]; «Преступники довели народ до последней степени обнищания. Моя пенсия равна 1 кг колбасы. Одиноким пенсионеры обречены на вымирание» [9, 5 января 1995 г.]; «...на штампе “Dnipropetrovsk” ни на украинском, ни на русском, какое-то “дальнее зарубежье”. Когда-то папа (помню этого старого интеллигента...) читал лекцию на тему “Есть ли жизнь на Марсе?”. Давно уже можно взять что-нибудь поближе: “Есть ли жизнь на Земле?”. Но на Земле у нее не только тяготы, но и — Пушкин. Единолично готовит пушкинский вечер в конце мая. Бескорыстнейшая любовь к Пушкину, поэзии, литературе, которой нет у абсолютного большинства людей (таких становится все меньше)...» [9, 25 апреля 1997 г.].

«...От Люси Мандрик. Она в своем молдавском далеке совершенно одинока. ...При обмене квартирным главным критерий — приехать должен только молдаванин, а на других наложено вето...» [9, 26 марта 1993 г.].

Отрывки из присланных писем составляют целый хор.

Олег Ласунский¹ (Воронеж): «Да, жизнь как-то неожиданно — ведь так радовались перестройке! — повернулась своей изнанкой и показала прямо-таки звериный оскал» [9, 2 января 1991 г.]; «“Каждый выживает в одиночку или группками, как у нас...” (собираются на квартирах, то одной, то другой)...» [9, 26 ноября 1994 г.].

В. А. Скачилов² (Уфа): «Не думал, не гадал дожить до столь смертного общественно-го и экологического хаоса» [9, 28 апреля 1991 г.].

Е. К. Дейч (Москва): «Оптимисты (к ним отношу и себя) верят в нечто действительно прекрасное, а пока — отсутствие продуктов, пустые магазины, ежедневные митинги и демонстрации, взрыв антисемитизма. Но у нее хоть духовное: смотрела “Поминальную молитву” у Марка Захарова. У нас же вся духовность — с экрана. Хорошо, что сегодня умный “Курьер”. Сегодня же открыта программа “7 дней”, была она больше о негативном, чем о позитивном: Воркута, Кишинев и пр. Дела в стране идут архиплохо» [9, 12 ноября 1989 г.]; «Вчера была у И. Луначарской. Она живет... недалеко от Пушкинской пл. Еле пробралась — толпы озверелых представителей “ДС” с царскими флагами, с требованием “Россия и Москва — для русских”...» [9, 29 апреля 1989 г.]; «...ужасно больно видеть, как гибнет наша культура, как она вырождается... Все можно пережить, лишь бы культуру не уничтожали и не зачеркивали все прошедшее черной краской...» [9, 6 октября 1992 г.]; «Доходят до меня малоприятные вести об антисемитских и анти-русских тенденциях на Украине. З москалями не хотят никаких-никаких связей...» [9, 4 марта 1993 г.].

Петро Ротач³ (Полтава): «“Что-то делаю, но какой толк!”. Действительно, работаем мы только “для собственного удовольствия”, без надежды на публикации или какие-либо иные формы обнародования нажитого» [9, 20 января 1992 г.].

Семен Букчин⁴ (Минск): «“Дело идет сильно вправо, ведут его туда и правые, и левые. Умнеть будем трудно, если не трагично. Все приметы громадной драмы налицо”. Увы, это именно так, и просвета не видно. Идет, нарастает мировой “социалистический” пожар, испепеляющий все и вся. Насколько нас хватит? Что будет дальше?» [9, 6 марта 1990 г.];

Николай Павлюк⁵ (Киев): «“У нас (в городе и институте) бурлят митинговые страсти...”. Что за вирус поразил республики! Вирус смертельнее СПИДа! Все более страшусь издательских последствий этой повальной болезни...» [9, 4 января 1990 г.].

Лариса Никольская⁶ (Ленинград. Тогда еще он не был Санкт-Петербургом. — С. Л.): «Отделилась от нас группа “Содружество”, объявили себя истинно русскими писателями... Говорят прямо: “Мы отделились от евреев”. Л. А. намекает на то, что в Ленинграде готовятся к погромам (и поэтому покупают дома подальше от города, чтобы было куда бежать). Позорище!» [9, 6 января 1990 г.]; «В Ленинграде топчут последние остатки интеллигентности былой. “Все беды наши сваливают на жидомасонов, аппаратчики и милиция их поддерживают...”. “Гидаспова, посаженного нам Москвой”, в Ленинграде

¹ Ласунский Олег Григорьевич (1936) — профессор, кандидат филологических наук, писатель, литературовед, книговед, библиограф, краевед, известный библиофил, почетный гражданин г. Воронежа; в 2015 г. удостоен звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

² Скачилов Владимир Анатольевич (1923—1996) — кандидат медицинских наук, заслуженный врач РСФСР и БССР, историк медицины и краевед.

³ Ротач Петр Петрович (1925—2007) — украинский писатель, литературовед.

⁴ Букчин Семен Владимирович (1941) — доктор филологических наук, журналист, писатель. Живет в Минске (Республика Беларусь).

⁵ Павлюк Николай Николаевич (1934—2012) — старший научный сотрудник Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины, кандидат филологических наук.

⁶ Никольская Лариса Антоновна (1935—1992) — ленинградская поэтесса, член Союза писателей СССР.

“величают”... Гестаповым. Ассоциации, что и говорить, выразительные» [9, 25 февраля 1990 г.]; «Длинное письмо от Никольской (с номером “Часа-Пик”). В основном о житейских кухонно-обеденных невзгодах, скудости, дороговизне и пр. “Вчера в газете “Смена” прочли заметку с экономическим прогнозом на весну под названием “Я знаю, голод будет!” Весело”. Накличут беды, Пророки. Впрочем, у нас становится всех хуже: с молоком... даже с хлебом» [9, 13 марта 1991 г.].

Р. В. Овчинников (Москва): «Дай Бог, чтобы смутная пора не переросла в новую “Пугачевщину”» [9, 27 сентября 1991 г.]; «“Сделан губительный шаг в глубокое средневековье, в эпоху создания множества княжеств и областей с безграничными суверенитетами, без штанов и закровов”. Жалуются: не работается» [9, 17 января 1992 г.].

В. В. Дубовицкий¹ (Душанбе): «Дубовицкий впервые расписался не арабской вязью. “По мере сил мы, русские в Таджикистане, стремимся создать свою среду обитания, не желая бежать отсюда и дарить “суверенитетам” то, что создано пятью поколениями русских людей”. Развал всего и вся...» [9, 4 февраля 1992 г.].

А. П. Банников² (Приморско-Ахтарск, Краснодарский край): «“Надежды бурлят, а там посмотрим — м. б. и издательства к тому времени существовать перестанут, все к тому идет... Жизнь с каждым днем становится все отвратительнее...”. Это ясно и без письма из Приморско-Ахтарска — с благословенной кубанской земли. Темпы оскудения и одичания стремительнее некуда. По всему судя, дан обратный ход во внутренней политике — подальше от демократии и гласности, но разрушенную экономику в сторону “изобилия” так быстро и решительно не повернешь. С горечью говорю себе: из глубокой ямы — да при такой неадекватной политике, при таких судорогах — не выбраться» [9, 4 февраля 1991 г.]; «“Да, нами управляют мерзавцы и преступники, это теперь стало очевидно, как они ни прячутся в овечьи шкуры. Жаль только солдатиков 18—19-летних, за что они жизни кладут? Хороша демократия. Надо тебе воевать — собирай своих зятьев, детей, сам автомат в руки — вперед, на Грозный!”. Я согласен со всеми его выводами» [9, 21 января 1995 г.].

А. И. Белый³ (Уральск): «Поздравление от Белого. И — “досуверенитетились”... Разочарование у всех» [9, 29 ноября 1991 г.]; «...И Казахстан обрел свои марки. Но письмо от Сашы Белого — грустное, мрачное... “Такое творят правители, что терпение кончается”» [9, 19 января 1993 г.]; «“А я уже иссяк с матерщиной на этот бардак. У меня уже сил нет драться. Приходит новое время, новые люди, новые идеи и пр. И опять — разединение людей, семей, родственников. У тебя вот Институт Тараса (поздравляю!), а у нас переименования. Резкое сокращение истории России на истфаке на будущий год... Вакуум кругом...”» [9, 28 апреля 1993 г.]; «Первая казахская марка с конверта письма от Белого. Он жалуется на жизнь в Уральске: жизнь дорожает, зарплату задерживают, электричество ограничивают, газеты раз в неделю. Лишь бы суверенитет... Ответил ему сразу» [9, 29 января 1994 г.].

Г. Д. Зленко (Одесса): «...Бисерным своим почерком описал жизнь свою и Одессы. В Одессе донедавна было тихо-спокойно, но после “путча” пошла катавасия и конфронтация. Все острее становится бумажный кризис. Стонут (а часто и не выходят) газеты, залегла, и надолго, его книга. “Чтобы как-то выйти из положения”, Г. Д. творит статьи

¹ Дубовицкий Виктор Васильевич (р. 1954) — доктор исторических наук, профессор, в восьмидесятые годы — младший научный сотрудник Института истории АН Таджикской ССР.

² Банников Анатолий Павлович (1938—2011), искусствовед, знаток русской и европейской живописи, исследователь известных и забытых коллекций, автор энциклопедических работ по искусствоведению.

³ Белый Александр Иосифович (1927—2006) — российский и казахстанский историк, исследователь прошлого Уральского и Оренбургского казачества, Уральска и Западного Казахстана, работал в педагогическом университете г. Уральска, автор краеведческих статей, библиофил.

для “кооперативной” книги “Кто есть кто в истории Одессы за ее 200 лет”. Явилась бы возможность аналогичной книги об Оренбурге, переключился бы на некоторое время» [9, 8 октября 1991 г.]; «...от Зленко (работает в полную меру сил, стал засл. деятелем искусств, но, получая пенсию и зарплату... нищенствует. Довели народ до ручки!» [9, 13 марта 1996 г.]; «Меня потрясло письмо от Зленко. Работает “безумно много” (за год — сотня статей), сочинил не одну книгу и даже сборник стихов, подготовил и провел десятки радиопередач (более 40), но за десяток лет — ни одной книги, нищенские зарплата и пенсия, утеряны связи, неважное здоровье, долг за отопление, который не вернуть... и это писатель, “заслуженный деятель искусств”... Эх, “незалежна” — куда ты катишься?!» [9, 24 сентября 2000 г.]; «Пришло письмо от Зленко. Долгожданное, но... унылое. “Жара спадает, проблемы остаются и — умножаются...” ...Порывался написать, но клятая жизнь не позволяет. Похвалил мои труды, однако его гложет и невозможность издаваться, слышать доброе слово о себе, справляться с бедностью. Конечно, одесское начальство (как и многое другое) внимательностью и сочувствием не отличается. 117 гривен пенсии (600 рублей...), а за коммунальные услуги надо платить 130 — вот и “незалежность”. Он был и остается самим собой. Наводит справку о Колышко и его семье. Искатель есть искатель — такая порода» [9, 8 сентября 2001 г.]; «Ответил мне Зленко. Письмо переполнено горечью. За нищающую Одессу, за трагедии в оной, за библиотеку без пополнений, за собственное бескнижье, за горестную его жизнь и отсутствие всякой перспективы выкарабкивания из омута бедствований. ...Он просит полное издание “Моего времени”, но его заинтересуют и “Житие Мити”, и “Я проводил его глазами”. Кстати, Г. Д. встревожен участием своего архива, который может пропасть без всякой пользы. А разве не то же занимает и меня?!» [9, 26 января 2002 г.].

Ю. М. Курочкин¹ (Свердловск, ставший Екатеринбургом): «Временами чувствуешь попавшим во сне в чужую страну. А читая “Лит. Россию”, — в другую эпоху. Противно все это и — горько...”. У всех порядочных на уме одно и то же. Но сколько нас, порядочных? Думаю, что больше ко всему равнодушных» [9, 2 мая 1990 г.]; «“Обстановка, конечно, апокалиптическая, но, бывало, конечно, и хуже...”. Ему помогает сопоставление со страшными днями своей жизни. Да-с, память о колючей проволоке облегчает и выручает» [9, 31 декабря 1991 г.].

Вячеслав Шевченко² (Ессентуки): «“...Не во благо ни жить, ни плакать // Под российским орлом двуглавым, // Потому что пошла на плаху // Вся страна ради царской забавы!..”. Своими умными и точными стихами Вячеслав здорово вырос в моих глазах» [9, 24 декабря 1994 г.]; «Талантливый Вяч. Шевченко неделями не имеет денег на конверт, чтобы отослать мне свои стихи, которые становятся все крепче и профессиональнее. Нищета закаляет?» [9, 12 августа 1996 г.]; «У нас на Кавказе все выше поднимают голову баркашовцы, открыто пропагандируют свою дурь. Что это еще будет?» [9, 29 октября 1998 г.]. Вопросы остаются без ответов.

М. В. Нагли³ (Краснодар): «“вот-вот начнется резня”. До какой крайности доведена Россия!.. Виноваты коммунисты? Маркс с Энгельсом?.. Бред!.. Ельцин — палач и СССР, и собственного народа...» [9, 17 ноября 1991 г.].

¹ Курочкин Юрий Михайлович (1913—1994) — екатеринбургский краевед, театровед, редактор отдела науки и краеведения журнала «Уральский следопыт», автор нескольких литературоведческих книг.

² Шевченко Вячеслав Григорьевич (р. 1954) — потомок Т. Г. Шевченко, член Союзов писателей России и Украины.

³ Нагли Михаил Владимирович (1926—2012) — режиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР.

О. С. Булгакова¹ (Могилев): «...Вернулись из Трускавца! Это не та Украина, которую Вы знаете. Это Галиция... где песни поют о “москалях-голодранцах” (а сами имеют 17 гривен зарплаты), расторгают браки с русскими, а главные улицы носят опять одно имя — только С. Бандеры» [9, 3 сентября 1997 г.].

П. В. Чебуркин²: «В миниатюре сейчас, судя по всему, идет повторение взрыва диких страстей бушующего Хама... Все это мы уже проходили в 1917—18 гг. И что в результате имеем? Распад государства с соответствующим падением нравов”. Категорично! Неужели он прав?» [9, 4 апреля 1989 г.]; «...в тревоге от всего происходящего, и он раздумывает над тем, что может быть. “Генетический круг людей, способных управлять разумно, вырублен до основания. А найти среди лигачевых ли, слюнковых и им подобных умного правителя невозможно...”. Это, увы, так» [9, 20 января 1990 г.]; «...о Москве: “Город мечется, как угорелый, то за конфеткой, то за колбасой и т.д., мяса нет, а продовольствие гибнет”. Во время освящения камня на Лубянке в память жертв сталинизма жгли и рвали портреты Ленина и пытались опутать колючей проволокой памятник Дзержинскому. П. В. смотрит — как и все москвичи — Ленинградское ТВ. Показали Дворцовую площадь: войну трехцветников с краснофлажниками, половодье экстремистских транспарантов, прямые потасовки. “В общем черт знает, до чего дойдем (в смысле восстания или гражданской войны)... Никто этого не знает”» [9, 18 ноября 1990 г.].

16 июля 1991 года на страницу вклеены строки из письма, в которых, по словам автора дневника, «выразительные детали жизни»: «Со мной в палате лежал осетин “заместитель директора концерна!”. — Какого? — Да, так, осуществляем связи между заводами от Риги до Владивостока. — А как называетесь? — Это не имеет названия и нигде не зарегистрировано, чтобы не платить налоги. Его подстрелили в Москве, куда он приехал “погостить у девушки” (валютной проститутки). Ранили в грудь. Она не отходила от него все время. У него шофер с машиной, телохранитель, кошель денег. Ничего больничного не ели! Только от Макдональдса. Привозил шофер еду, а Инна (шлюха) катила на центральный рынок за фруктами и прочим... А новейшие японские антибиотики ездила покупать в валютной аптеке... Вот как живут нувориши!»; «Вы, смотрю, почти уже в панике. Не нужно! Все будет в норме, если только не начнется гражд. война (Гамсахурдия уже объявил ее в Грузии...)». П. В. на все смотрит с позиции: “хуже бывало” (Ему, разумеется, безусловно)» [9, 17 января 1992 г.]; «“В общем тошно, но я все же улыбаюсь и надеюсь на Ельцина”. Я не улыбаюсь и не надеюсь» [9, 8 февраля 1992 г.]; «Яркая марка (вклеена. — С. Л.) — с письма Чебуркина. Марка ностальгическая (бывали же времена светлые, яркие, радостные!). П. В., правда, сравнивает со своим дворянским детством. Мне же из нашей теперешней клоаки вождельно видится... застой» [9, 21 января 1993 г.].

М. Полякова³ (Чернигов): «Все хмурые, полное неудовлетворение, цены растут с каждым днем, не получают зарплату по три месяца...» [9, 24 августа 1996 г.].

И хотя комментарии Л. Н. Большакова уже показывают его отношение к происходящему, для полноты картины приведем цитаты из его собственных писем, переданных нам уже после ухода из жизни Леонида Наумовича.

С. В. Букчину: «...Неожиданная просьба. В знак протеста против фашистских тенденций правления СП РСФСР хотел бы войти в “Апрель”. Ты, как член оргкомитета, все знаешь. Либо впиши меня туда сам, либо посоветуй, как это все сделать. Время против-

¹ Булгакова Оксана Сергеевна (1935—2007) — была главным редактором Южно-Уральского книжного издательства.

² Чебуркин Павел Владимирович (1910—2008) — с 1956 г. главный хирург Тульской области. С 1980-х гг. занимался литературной деятельностью, автор статей на общественно-политические и литературные темы.

³ Полякова Мария Михайловна — племянница Л. Н. Большакова.

ное, страшное. И положение, вопреки заявлениям, не контролируется...» [9, 10 февраля 1990 г.]; «...Настроение паршивое. Падаем ниже некуда, грядет беда, и никто не ведает, как ее избежать... Работаю активнейше. Делаю такое, чему нет равного (объективно!). Сейчас в третьем томе («Были о Тарасе». — С. Л.). И даже не думаю насчет печати. (Думаю, конечно, но ничего не предпринимаю.) Крах с бумагой — писатели добывают ее сами. Маразм! ...все происходящее ранит каждый день...» [9, 7 марта 1990 г.]; «...до чего же противно, что нечисть прет со страшной силой — куда активнее, чем силы добра и прогресса. Что-то уже не верится, что возможны хоть какие-то положительные изменения. Доброму настроению все это не способствует» [9, 28 марта 1990 г.]; «...вернулся из Киева... Город тусклый, замызганный, злой — обидно и противно. Политические свары, откровенная, воинственная ненависть к “Москве” и “москалям”, религиозная варфоломеевщина — жуть. Украинские правящие горланы и слушать не хотят о Союзе — отделение и все тут, единственное решение видится таким. Отвез рукопись — небольшую — но без гарантий издания. Какие могут быть гарантии, ежели сидят все без бумаги? Увязли мы во всем, притом глубоко» [9, 1 декабря 1990 г.].

П. В. Чебуркину: «...писем стало приходиться мало, так постепенно и отвыкнешь от переписки. Не уверен, что это не планируемая акция — разобщение людей кое-кому полезно. Сие — явление патологическое, но патологии в нашей нынешней жизни сколько угодно. Ваши наблюдения над пенсионерами и непенсионерами, над улицей и пр., и пр. очень меткие и точные. Так всюду. В спокойном Оренбурге 250-летие Оренбургской губернии едва не закончилось смертоубийством. Давал концерт Дима Маликов (!!!) — тысячи и тысячи сплотились настолько тесно, что едва не раздавили друг друга, а уж концерт был сорван, это точно. Утром город представлял собою свалку, разбитых бутылок было не счесть. Темное стадо — вот до чего доведено общество. Меня от всего этого спасает работа. Взваливаю на себя все более тяжелую ношу и ставлю перед собою “крутые”, как сейчас говорят, задачи... Работа несет удовлетворение, которого не несет т.н. жизнь» [9, 26 мая 1994 г.].

А. П. Банникову: «Я летал в Москву — увы, по печальному поводу. Из печати Вы знаете: в Сев. Осетии погиб В. Поляничко. Мы дружили 35 лет (он погиб в 55 — на 15 лет меня моложе) Славный человечисце... Он пал жертвой камарильи с длинными нитями...» [9, 8 августа 1993 г.]; «С Днем Парижской Коммуны... Других праздников нет и не предвидится, всюду кровь, всюду распри. Сегодня радио начинает с Крыма...» [9, 18 марта 1995 г.]; «Начался последний месяц года. Еще не было ни единой снежинки. Странная зима. И жизнь тоже странная. На сердце тревога — если не за себя, то за всех сущих. Россия теряет себя, теряет уважение к себе, становится страной сплошных криминалов...» [9, 2 декабря 1996 г.].

На наш взгляд, приведенные документальные свидетельства очевидцев составили вполне объективную (писем много, причем из разных мест некогда общей страны, и мы проанализировали весь их комплекс без каких-либо изъятий) картину жизни, отразили настроение самых разных людей, а отдельные эмоциональные штрихи сделали ее еще более яркой. Эта картина позволяет документально подкрепить обоснованность народного выражения «лихие девяностые» применительно к положению дел в провинции, к восприятию той эпохи интеллигенцией самых разных уголков бывшего Советского Союза, а в первую очередь — жителями Российской Федерации.

Список использованных источников и литературы

1. Большакова Т. Л. «Дневник для себя — это все-таки дневник для других»: о дневниках Л. Н. Большакова // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. С. 13—17.

2. Большакова Т. Л., Любичанковский С. В. Леонид Большаков: автопортрет на фоне эпохи. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2012. 460 с.
3. Большакова Т. Л., Любичанковский С. Л. Леонид Большаков: на связи с миром и людьми [Электронный ресурс]. М. : ФЛИНТА, 2016. 493 с. URL: <http://e.lanbook.com/book/89871>.
4. Иванова А. Г. Первоначальное оформление партийной системы в рамках становления институтов власти в 90-е годы XX века (на примере Южного Урала) [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2013. № 2 (6). С. 75—83. URL: http://vestospu.ru/archive/2013/articles/ivanova_2013_2.pdf.
5. Кодан С. В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2014. № 3. С. 60—93.
6. Любичанковский С. В. Дневник как исторический источник (на примере дневника Л. Н. Большакова) [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 4 (20). С. 142—152. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/14_20_2016.pdf.
7. Любичанковский С. В. Конец советской эпохи глазами очевидца (на материалах личного дневника Л. Н. Большакова) [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 2 (22). С. 152—162. URL: http://vestospu.ru/archive/2017/articles/16_22_2017.pdf.
8. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. История. № 1. С. 8—22.
9. Семейный архив Т. Л. Большаковой. Дневник Л. Н. Большакова.
10. Согрин В. В. Политическая история современной России. М. : Прогресс-академия, 1994. 192 с.
11. Филиппов А. В. Наблюдатель империи // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 89—121.
12. Ципко А. С. Насилие лжи. М. : Молодая гвардия, 1990. 272 с.
13. Шейнис В. Л. Судороги российского парламентаризма // Полис. 1992. № 3. С. 52—63.
14. Эйдлин Ф. Сила и бессилие коммунистической власти // Полис. 1991. № 6. С. 84—93.
15. Экономическая реформа в регионе: проблемы сочетания федерального и территориального. Екатеринбург : Наука, 1994. 280 с.

Поступила в редакцию 03.12.2017

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: svlubich@yandex.ru

UDC 94(470.56)

S. V. Lyubichankovskiy

“None of us would have chosen such times”: “dashing nineties” through the eyes of eyewitnesses

The article shows the significance of the epistolary heritage and diary of the honorary citizen of Orenburg, the scientist and public figure L. N. Bolshakov as a unique historical source about the era of “dashing nineties” — the period of the first years of the existence of independent Russia after the collapse of the Soviet Union. It is concluded that this source allows to make a significant contribution to the documentation of the initial pages of the newest Russian history and to reconstruct the emotional perception of the events of the 1990s by Russian intelligentsia in the province.

Key words: epistolary heritage, diary, Leonid Naumovich Bolshakov, everyday life, intelligentsia, historical source, “dashing nineties”, the Russian Federation.

Lyubichankovskiy Sergey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: svlubich@yandex.ru

References

1. Bol'shakova T. L. "Dnevnik dlya sebya — eto vse-taki dnevnik dlya drugih": o dnevnikakh L. N. Bol'shakova ["Diary for yourself — it's still a diary for others": about the diaries of L. N. Bolshakov]. *Vos'mye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii kraj kak istoriko-kul'turnyi fenomen: sb. statei mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii* [The eighth Bolshakov readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon: a collection of articles of the internat. scientific-practical conf.]. Orenburg, OGPU Publ., 2016, pp. 13—17. (In Russian)
2. Bol'shakova T. L., Lyubichankovskii S. V. *Leonid Bol'shakov: avtoportret na fone epokhi* [Leonid Bolshakov: self-portrait against the background of the era]. Orenburg, OGPU Publ., 2012. 460 p. (In Russian)
3. Bol'shakova T. L., Lyubichankovskii S. L. *Leonid Bol'shakov: na svyazi s mirom i lyud'mi* [Leonid Bolshakov: in connection with the world and people]. Moscow, FLINTA Publ., 2016. 493 p. Available at: <http://e.lanbook.com/book/89871>. (In Russian)
4. Ivanova A. G. Pervonachal'noe oformlenie partiinoi sistemy v ramkakh stanovleniya institutov vlasti v 90-e gody XX veka (na primere Yuzhnogo Urala) [The original form of the party system in the making of government institutions in the 90-s of the XX century (by the example of Southern Urals)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2013, no. 2 (6), pp. 75—83. Available at: http://vestospu.ru/archive/2013/articles/ivanova_2013_2.pdf. (In Russian)
5. Kodan S. V. Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya: ponyatie, mesto i rol' v izuchenii istorii gosudarstvenno-pravovykh yavlenii [Sources of personal origin: concept, place and role in the study of the history of state and legal phenomena]. *NB: Istoricheskie issledovaniya*, 2014, no. 3, pp. 60—93. (In Russian)
6. Lyubichankovskii S. V. Dnevnik kak istoricheskii istochnik (na primere dnevnika L. N. Bol'shakova) [L. N. Bolshakov's Diaries as historical source]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2016, no. 4 (20), pp. 142—152. Available at: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/14_20_2016.pdf. (In Russian)
7. Lyubichankovskii S. V. Konets sovetsoi epokhi glazami ochevidtса (na materialakh lichnogo dnevnika L. N. Bol'shakova) [The end of the Soviet era by eyes of the eyewitness (on materials of the personal diary of L. N. Bolshakov)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2017, no. 2 (22), pp. 152—162. Available at: http://vestospu.ru/archive/2017/articles/16_22_2017.pdf. (In Russian)
8. Pushkareva N. L., Lyubichankovskii S. V. Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot Shkoly Annalov k rossiiskoi filosofskoi shkole [Understanding the history of everyday life in a modern historical study: from the School of Annals to the Russian Philosophical School]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2014, vol. 4, no. 1, pp. 8—22. (In Russian)
9. *Semeinyi arkhiv T. L. Bol'shakovoi. Dnevnik L. N. Bol'shakova* [Family archive of T. L. Bolshakova. Diary of L. N. Bolshakov]. (In Russian)
10. Sogrin V. V. *Politicheskaya istoriya sovremennoi Rossii* [Political history of modern Russia]. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1994. 192 p. (In Russian)
11. Filippov A. V. Nablyudatel' imperii [The observer of the empire]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1992, no. 2, pp. 89—121. (In Russian)
12. Tsipko A. S. *Nasilie lzhi* [Violence of lies]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1990. 272 p. (In Russian)
13. Sheinis V. L. Sudorogi rossiiskogo parlamentarizma [Cramps of Russian parliamentarism]. *Polis*, 1992, no. 3, pp. 52—63. (In Russian)
14. Eidlin F. Sila i bessilie kommunisticheskoi vlasti [The strength and powerlessness of communist power]. *Polis*, 1991, no. 6, pp. 84—93. (In Russian)
15. *Ekonomicheskaya reforma v regione: problemy sochetaniya federal'nogo i territorial'nogo* [Economic reform in the region: problems of combining the federal and the territorial]. Ekaterinburg, Nauka Publ., 1994. 280 p. (In Russian)